

ВАМ ЧТО, НАША АРМИЯ НЕ НРАВИТСЯ?..

Сообщения об очередном дезертирстве из армии давно уже перестали удивлять. Слишком уж часто приходится такое слышать. Бежал с оружием... Застрелил своих сослуживцев... И начинаются разговоры о том, как разложилась наша армия, какое ужасное поколение растет. О дедовщине знают все, но дезертиров, независимо от обстоятельств, никто не оправдывает. А ведь сколько «бегунков» просто не знают, к кому идти, боятся, что вернут обратно в часть — на расправу «старослужащим». Их опасения далеко не безосновательны.

Рыбинец Алексей Степанов (все имена военнослужащих изменены) бежал в конце августа — это уже третий за два с половиной месяца его побег из воинской части в небольшом городке Мга под Питером. Все три раза до дома добирался он на крышах поездов. Столь экстремальный способ передвижения объяснялся не какими-то личностными характеристиками парня, а отсутствием денег. И совсем уж необычной оказывалась цель его побега. Отнюдь не в дом родной, как подумает здравомыслящий читатель, стремился парень, а в военкомат. Девять часов на поезде Алеша добирался, чтобы сказать военкому: «Служить буду и хочу, но не прислуживать».

В армию его призвали весной. Распределили в железнодорожные войска, где с первых же дней началась невеселая жизнь «духа». Выяснив, что Алексей неплохо рисует и делает наколки, вся рота тут же возжелала ими обзавестись. И не со временем, в порядке очереди, а здесь и сейчас. Разумеется, в свободное от занятий время. Проще говоря, трудиться на благо старших Алексею приходилось ночами. Все время своего сна «деды» расписали поминутно, а вот парень напрочь оказался лишен отдыха от реальности солдатских будней.

Пробовал взывать к совести, но средства убеждения старших товарищей оказались более весомыми — кулаки да табурет. А время от времени еще и деньги требовали. Нет? Так воруй. Через три недели бессонных ночей нервы у парня сдали, и он дал деру. Потом вспоминал, что когда бежал, даже не думал, как до

Рыбинска добираться будет. Главное, подальше от части.

Железнодорожная станция находилась недалеко. Изучил там расписание поездов. Денег не было, и сама собой родилась мысль добраться до Рыбинска на крыше скорого поезда. Так и ехал, распластавшись, все девять часов — боялся быть замеченным.

Позже Алеша вспоминал: сомнений в том, что делать дальше, не было изначально. Явиться в военкомат. Все рас-

Второй побег вышел недели через три вот по какому случаю. За оформление канцелярии начальство наградило парня поездкой в Питер. Однако радостное ожидание свободы не замедлили омрачить «деды». Мол, не забудь из поездки пятьсот рублей с собой привезти. А уж как добудешь — твое дело. В Питер Леша уехал, а вот возвращаться не стал: обратного пути не было. Ведь денег-то не нашел. «Я же не мог попро-

По возвращении «деды» сначала отходили его табуретом. Били и по лицу. А на следующий день привязали в душе, включили холодную воду и ушли. Под потоком ледяной воды парень простоял три часа. Только тогда о нем «вспомнили» и отвязали. Подобного приема Леша ожидал и все измывательства стерпел.

В тот день, когда по роте пронесся слух, что перед обедом пьяные старослужащие будут «строить» молодых, Алексей стоял в наряде. Со штык-ножом, как полагается.

— Услышал приглашение, и все — нервы сдали. Понял: если пойду, то либо они меня, либо я их убью. Решил опять бежать. Штык-нож с собой взял. Не потому, что страшно было — оружие ведь просто так не бросишь.

На этот раз следы приходилось запутывать. Ведь в части уже знали «привязанность» парня к поездам. Поэтому отправился на другую станцию. Да и здесь садиться не торопился, а чтобы не нашли, всю ночь в каком-то саду присидел, прижавшись к дереву. И на этот раз удача оказалась на его стороне. С поезда не сняли, и в конце концов привычным способом он опять добрался до Рыбинска. Оружие сдал военкому, а сам отправился в военную прокуратуру.

Как пояснили нам в военной прокуратуре, точного учета дезертиров по области не ведется. Если такой «бегунок» явился с повинной сразу, уголовное дело возбуждаться не будет. Но и гарантий, что парень не попадет обратно в ту же часть, никто не даст.

По словам заместителя прокурора Леонида Гупало, все беглецы независимо от причины побега направляются на сборный пункт в областной военкомат. А оттуда — под Ростов, где их «разбирают» представители частей. В роли «заезжих купцов» могут ока-

заться и представители той части, откуда военнослужащий только что дезертировал.

Представитель Союза солдатских матерей России по Ярославской области Надежда Крылова другого мнения — косить всех под одну гребенку нельзя. Многие дезертируют из-за дедовщины, и возвращать их обратно — то же самое, что поощрять новые издевательства. В этом главная причина такого количества укрывательства.

— «Бегунков» приходит к нам много — только за первую половину сентября было восемь человек. Бегут сейчас из всех частей и районов. Много злоупотреблений даже в традиционно считавшихся элитными Таманской и Кантемировской дивизиях, в президентском полку. В таких частях шагают в ногу со временем — как вариант дедовщины процветает ростовщичество. Схема действий следующая. «Дед» требует деньги. Нет? Хорошо, давай я тебе их одолжу. Только под проценты. И ставят парней «на счетчик». К концу службы у некоторых по тридцать тысяч долга накапливается.

Внешний вид Жени — яркое опровержение мифа о том, что «деды» бьют только сирых да убогих. Огромный детина под два метра, широкий разворот плеч. До армии работал... мясником на рынке. Да и тот факт, что служить его призвали в спецназ, говорит сам за себя. Избить такого надумаешься.

Мама Людмила Ивановна в слезах показывает письмо сына за 1 сентября: «Если вы не успеете сделать вызов, то ожидайте меня, я сам приеду. Я уже составил план побега. Только не знаю, как добраться. Планирую до Рязани пешком, ведь деньги все потратил (покупая продукты «деду». — М. Н.). Числа восьмого чухну. Дня за четыре доберусь». И сообщал, что к побегу уже приготовился. На помойке — чтобы форма не

вызывала подозрений — нашла гражданскую одежду: джинсы — «только я их постираю», кроссовки «правда чуть-чуть рваные, но это не важно».

— Да из его части постоянно бегут, — в слезах рассказывает мама Людмила Петровна. — Ездил к нему в августе, как раз тогда трое мальчишек травили его вдумали. Вся часть в это время ездил на село урожай убирать. Так вот они нашли на поле какие-то химикаты и наглопались. Только одного смогли откачать...

До побега дело все же не дошло. По настоянию Надежды Дмитриевны парня мама привезла и отправила в прокуратуру.

В существующей ситуации, когда вероятность возвращения — а значит, и новых побегов, унижений — беглеца в первую очередь почти стопроцентная, вполне понятна реакция тех, кто прячется от военкомата и прокуратуры. А возбуждение уголовного дела по факту избиваний вообще малореально. Для этого наша прокуратура должна отправить на медицинскую экспертизу, результаты которой передаются в прокуратуру той области, где находится «провинившаяся» часть. Помогать в расследовании беглеца должен непосредственно на месте событий. А это можно приравнять к добровольной «сдаче» в свою часть.

В этом случае есть одна лазейка — директива Генерального штаба от 9.03.96 за номером 315/32230, по которой военный прокурор, отсылая «бегунка» на сборный пункт, может дать предписание не направлять обратно в ту же часть. Правда, почему-то в нашей прокуратуре этой директивой пользуются редко.

Марина НИКИТИНА.